

Великие имена

Аршак Тер-Маркарян

Мой Шолохов

Мой Шолохов

Вот я и произнёс родное и знакомое с детства: «Шолохов». И словно услышал первородный шум вёшенских дубрав, утренний скрип рыбацких уключин и тугие капли, падающие с влажных вёсел в полированную гладь Дона-батюшки...

— Шолохов!
Басовито шуршат прибрежные камыши, над которыми тонко позванивает, устремляясь в полёт, журавлиная стая.

— Шолохов!
И сразу видится широкое раздолье, обрамлённое сучупучими, переливчатыми песками, зажавшими в жарких горстах зелёные пучки кинжално острой осоки. И рядом, в окружении низкорослых кустов, соборные вербы, щемящая тоска колокольной сини до самого окоёма, где приподнимаются на дыбы, натянув уздечки троп, старинные казачьи курганы, над которыми кружат до первой плескучей звезды, расправив могучие крыла, одинокие стрепеты да горделивые орлы-степняки...

Шолохов, Шекспир, Шиншук, Шагинян, Шукшин... Неужели фамилии великих писателей начинаются с заглавной буквы «Ш», удивительно похожей на символический скипетр — старинное гусиное перо, комм счастливо попользовался и другой вдохновенный гений — Пушкин? И в его фамилии присутствует та же легко выдыхающаяся из губов слов Ш... Бог с ним с моим поэтическим домом, пришедшим на ум недавно, но всё-таки...

— Шолохов!
Я пишу о нём, потому что втайне надеюсь, что у каждого читателя есть свой Шолохов, как есть свой дом, как есть своё небо, своя земля...

Он вошёл в мою жизнь бесповоротно, раз и навсегда, и все годы был рядом, разделив поровну мои невзгоды и радости, став настоящим другом, МОЙ ШОЛОХОВ!
Отчётливо помню ту далёкую, суровую пору, когда распахнулась шаткая диктовка дверка нашей полуподвальной «коммуналки», и, косонобо припадая на раненую ногу, осторожно переступил порог одинокий батя в шинели, пропахшей порохом и дымом, запудренной последним снежком победной весны...

Мы глядели во все глаза, привыкая к мужественным черточкам лица, забытого за четыре годных и холодных года... Из нехитрого солдатского вещмешка он достал скромные гостинцы — цветастый полшалок маме, а нам потёртый томик «Тихого Дона». Позднее я узнал, что после лечения в госпитале отец выменял на толкучке за буханку хлеба великую летопись... Вечерами при свете тусклой керосиновой копилки мы, ребяти, соскучившись по Букварю, затаив дыхание, слушали бессмертные странички... Конечно, многого не понимали! Но беззаветная святая любовь Ильичича, трагическая судьба Аксиньи, бесшабашная смелость Григория Мелехова были сродни событиям минувшей войны, поэтому близки нам. Этот огромный мир чувств и страстей властно заставлял сопереживать.

Хочу вернуться к истокам второго, уже не заочного знакомства с Михаилом Александровичем. К горечи своей, сейчас не могу восстановить тот час и год, когда после школьных уроков заглянул в распахнутую дверь нынешнего кафе «Космос» (в ту пору художественной мастерской) и остолебенел. Мраморный бюст Шолохова, возле которого стояли живые Шолохов и Вучетич.

— Смотри, уже пришёл первый зритель, — обращаясь к скульптору, сказал Шолохов. Лукаво подмигнул мне и понадел рукой:

— Заходи, хлопчик! Ну что покоч?

— Да-а-а... — протянул я. — Очень! — и, стеснясь, вымыгнул испуганным воробышком...

...Потом была третья, мимолётная, когда из большой толпы на открытии памя-

тника С.М. Буденному выхватил и сопровождал взглядом, пока он не сел в машину. Именно тогда на улице Пушкинской мне показалось: скоро его увижу снова...

Так и случилось. Сентябрь 1967-го... В составе группы ростовских писателей я совершил литературный рейс на Верхний Дон.

Долгая дорога от Ростова до Вёшенской утомляла, и я, чтобы скрасить пыльные, степные вёрсты, бесстрашно шутил в присутствии лучшего поэта юга России (кстати, существовал и такой титул!), пока он не пригрозил отправить меня домой... Строгий командирский глас в миг отрезвил и заставил взгляды встать в окошко автобуса, где уже склонили русые головы круглолицые подсолнухи, словно пытались рассмотреть старческие морщинки троп мудрой земли, проступавшие сквозь чахлую траву... На степных озерах грациозно провалили, хлопая по воде окрешные крылья, гуси-лебеди... Гривастые табуны, словно развёрнутые знамёна, проступали на горизонте... Дурманящее пахло польно и чабрецом...

Вёшенская!
Развёрнутой гармонью стонал понтоный мост. На площадке возле двухэтажного особняка каменной чернильницей застыл собор!..
Прошла одна беспокойная ночь. Гадали, как на ромашке: «Примет — не примет!»
Утром мы стояли у высококозелого забора.

Калитка распахнулась. Михаил Александрович встречал нас с улыбкой, перекатывая «беломорину» из края в край губ. Невысокого роста, в ладно сидящем на плечах чёрном пиджачке, по-свойски лорко выглядывал в лицо каждому, поправляя натруженной рукой козырьный чуб.

— Здравствуйте! Проходите, пожалуйста, — пригласил он делегацию в глубь двора. — Сегодня тепло. Может быть, устроимся на веранде?

Гости рассаживались. Шолохов не торопился. Плетёные деревянные кресел явно не хватало. Я, как самый молодой, замер, понимая, что на одно место осталось нас двое.

— Садитесь. Сейчас принесёт еще один стул, — сказал Михаил Александрович.

Через минуту секретарь Шолохова Пётр Елизарович Чукарин принёс еще один недостающий стул и поставил его рядом с Шолоховым.

— В ногах правды нет, садитесь, — повторил он, легко подтолкнул и показал на свободное место рядом с ним. Чуть испугавшись такой близости, осторожно отодвинулся, чтобы не быть в центре, и, положив блокнотик на колени, несмотря на запрет что-либо записывать, всё-таки запечатлел на бумаге отдельные фразы беседы... Кажется, время остановилось.

Главными собеседниками стали писатель-земляк Михаил Никулин, знавший Шолохова с детских лет, и бывший редактор миллеровской газеты, журналист Григорий Тягленко — горячий поклонник творчества донского Гомера. В те дни мы знали: Шолохов трудится над романом «Они сражались за

Михаил Александрович ШОЛОХОВ

(1905 — 1984)

105-летию великого писателя посвящается

Родиону». Чувствовалось: оторвали его от рабочего стола. И всё-таки Шолохов был настроен добродушно. Обращаясь к Никулину, заметил прибавившему в весе, выговаривая «ч», как «ш», шутил: «Станишник, Каванько не выдвинулся. Почаще приезжай. Воды у нас такие — вылетает тебя и снаружи, и внутри!»

— Михаил Александрович, как работаете? — наконец отважился спросить Никулин.

— Хорошо! — коротко ответил Шолохов и больше не возвращаясь к этой теме, не навязчиво перевел разговор на перспективу развития станицы в связи с открытием лечебных источников. О том, что желательнее развить в районе, удивленных им в Северном Казахстане меринских овец, неприхотливых в условиях скудного разнотравья, но дающих мясо и шерсть...

Григорий Григорьевич Тягленко, влюблён глядя на творца «Тихого Дона», все-таки пытался повернуть разговор в литературное русло. Хотел, чтобы мы прочитали стихи. Видимо, Шолохов в то утро не был настроен лирически:

— Потом, когда поедите, и вас примут в казачьи...

Скажу сразу: в казачьи меня привели в станице Терновской на следующий день. А вот встретиться не удалось: Михаил Александрович срочно улетел на сессию Верховного Совета СССР...

Все поняли: подошла к концу наша двухчасовая беседа. Встали, как по команде, одновременно. Поэт, над которым я подтрунивал в дороге, решил отомстить неразумно мне и обратился к Шолохову со следующими словами: «Михаил Александрович, надо же, Аршак, мягко говоря, наглаватый молодой человек. А вас увидел — покраснел, как девушка!». Шолохов на мгновение приостановился.

Он лежал в нескольких шагах от того места, где мы сфотографировались! Было холодно. И мне захотелось дотронуться до камня. Словно отдалить ему на прощанье немножко своего живого тепла...

Последний автограф Шолохова

Чем дальше удаляется Годы, тем отчётливее, как через увеличительное стекло, воссоздаётся то ослепительное, мягкое сентябрьское утро, когда я в последний раз побывал в гостях у Михаила Александровича Шолохова.

Телефонный звонок застал меня врасплох. Я поднял трубку.

— Аршак, — сказал деликатно секретарь писателя Пётр Чукарин, — скажите как-то необходимо своим ростовским коллегам, что встречает Михаил Александровичем отменяется. А вы подойдите сейчас к Шолохову и возьмите книги, которые он подписывает...

— Подписали бы и нам книги, Михаил Александрович!

— Писатели... И тоже автографы собирают... Оставьте. Подпишу.

Вечером я уже разглядывал снимки и читал надпись на двухтомнике: «А.Тер-Маркарян — желаю в поэзии быть удачливым, как (по созвучию) был Д'Артаньян!

И таким же лихим. М. Шолохов». Потом я стану обладателем еще нескольких автографов Шолохова. Но первый станет самым памятным.

...Возвращались мы от М.А. Шолохова просветлённые. Как будто прикоснулись к чему-то вечному, одухотворённому... Я думал: какое могучее влияние он оказывает на всех писателей, но прежде всего — на донских.

...В феврале я снова побывал в Вёшенской. Пришёл к уже музейной усадьбе. Пал дал густой снег на серый мраморный камень, на котором проступало, как кровь сквозь бинты, — Шолохов.

Я стоял молча, но в душе повторял стихи, присланные мне недавно известным советским поэтом Виктором Бокковым:

Ты помнишь, меня Шолохов позвал, И принял по-родному, домовито.

Я ваши имена ему назвал, Он наказал: «Будь за отца им, Виктор»

Я помню (очевидцы — Владимир Дагуров и Лариса Васильева) и ту встречу, когда Шолохов пригласил в гостиницу «Московская» автора «Оренбургского платка»...

...Кружили, парашюта, снежинки. Словно не ветер, а незримая рука стирала с печального могильного камня белую метель. Горели, переливаясь, буквы, как строки его бессмертного творения. Казалось, я слышу приглушённый его голос, похожий на простуженный колокольчик родника с ключевой водой, который наперекор лютому морозу непокорно пробивается тут же, у обрывистого берега закованной льдом реки...

Он лежал в нескольких шагах от того места, где мы сфотографировались! Было холодно. И мне захотелось дотронуться до камня. Словно отдалить ему на прощанье немножко своего живого тепла...

Последний автограф Шолохова

Чем дальше удаляется Годы, тем отчётливее, как через увеличительное стекло, воссоздаётся то ослепительное, мягкое сентябрьское утро, когда я в последний раз побывал в гостях у Михаила Александровича Шолохова.

Телефонный звонок застал меня врасплох. Я поднял трубку.

— Аршак, — сказал деликатно секретарь писателя Пётр Чукарин, — скажите как-то необходимо своим ростовским коллегам, что встречает Михаил Александровичем отменяется. А вы подойдите сейчас к Шолохову и возьмите книги, которые он подписывает...

— Подписали бы и нам книги, Михаил Александрович!

— Писатели... И тоже автографы собирают... Оставьте. Подпишу.

Вечером я уже разглядывал снимки и читал надпись на двухтомнике: «А.Тер-Маркарян — желаю в поэзии быть удачливым, как (по созвучию) был Д'Артаньян!

О встречах с Шолоховым рассказывает Аршак Тер-Маркарян, известный российский поэт и прозаик.

Родился в 1938 году. На океаническом судне «Атлантика» обошёл вокруг света. Первые публикации — в областной молодёжной газете «Комсомолец». В 1973-ем окончил Литературный институт. Был литконсультантом в Донской писательской организации, заведовал отделом поэзии в газете «Литературная Россия». Автор более 28 книг, вышедших на армянском, болгарском, венгерском, вьетнамском, калмыцком, китайском, немецком, украинском осетинском, польском и русском языках. Лауреат премии Ленинского комсомола, Международной премии «Дружба», награждён золотой медалью Михаила Шолохова и другими наградами.

дальнюю станицу Вёшенскую самому...

Писательский билет

На встречу с Михаилом Шолоховым мы, небольшой группой литераторов, прилетели самолётом именно в тот день, когда ростовский поэт Виктор Стрелков наконец-то получил долгожданный писательский билет, которым явно дорожил и гордился. Это было замечено, потому что во время полёта он бережно доставал из кармана пиджака новенькую красную книжечку и тайком любовался, поглаживая льющийся к рукам коленкор...

В застолье он по праву волепечённого писателя сел по левую руку классика. И, выпив рюмку-другую, размлел и расхрабрился, то ли от жары, то ли от близости к Шолохову. Я сидел напротив, не прикасаясь к горячительным напиткам. Кто-то из местных властей обратился ко мне с вопросом, я отвлекся. И, надо же, в эту минуту Виктор, хитро скрывив губы, громко произнес:

— Миша, а вот молодой Аршак не слушает нас — членов Союза писателей!

— Повтори, что ты сказал? — приглушённым голосом переспросил Михаил Александрович, чуть наклонив убеждённую сединами голову в сторону поэта. И, уже не слушая, добавил:

— Виктор, а у тебя есть писательский билет?

— Конечно, — с радостью вымолвил Стрелков, торопливо доставая завернутое в огромный носовой платок «свидетельство».

— Посмотри, пожалуйста, что там написано.

И Виктор Стрелков буквально по слогам прочёл казённый текст.

Михаил Александрович посуровел, нахмурился и резко бросил:

— У меня, наверное, написано «великий»... — и грустно улыбнулся. Какие-то не приметные люди догадались и вежливо освободили Шолохова от навязчивого пинта.

Через полгода я сам стану обладателем писательского билета, вспомню вёшенский ужин с Михаилом Шолоховым и подумаю, что автор «Тихого Дона» никогда не раскрывал своего билета...

«Смерть» Шолохова

Крупный снег медленно, словно на парашютах, опускался на землю про-

дальнюю станицу Вёшенскую самому...

Писательский билет

На встречу с Михаилом Шолоховым мы, небольшой группой литераторов, прилетели самолётом именно в тот день, когда ростовский поэт Виктор Стрелков наконец-то получил долгожданный писательский билет, которым явно дорожил и гордился. Это было замечено, потому что во время полёта он бережно доставал из кармана пиджака новенькую красную книжечку и тайком любовался, поглаживая льющийся к рукам коленкор...

В застолье он по праву волепечённого писателя сел по левую руку классика. И, выпив рюмку-другую, размлел и расхрабрился, то ли от жары, то ли от близости к Шолохову. Я сидел напротив, не прикасаясь к горячительным напиткам. Кто-то из местных властей обратился ко мне с вопросом, я отвлекся. И, надо же, в эту минуту Виктор, хитро скрывив губы, громко произнес:

— Миша, а вот молодой Аршак не слушает нас — членов Союза писателей!

— Повтори, что ты сказал? — приглушённым голосом переспросил Михаил Александрович, чуть наклонив убеждённую сединами голову в сторону поэта. И, уже не слушая, добавил:

— Виктор, а у тебя есть писательский билет?

— Конечно, — с радостью вымолвил Стрелков, торопливо доставая завернутое в огромный носовой платок «свидетельство».

— Посмотри, пожалуйста, что там написано.

И Виктор Стрелков буквально по слогам прочёл казённый текст.

Михаил Александрович посуровел, нахмурился и резко бросил:

— У меня, наверное, написано «великий»... — и грустно улыбнулся. Какие-то не приметные люди догадались и вежливо освободили Шолохова от навязчивого пинта.

Через полгода я сам стану обладателем писательского билета, вспомню вёшенский ужин с Михаилом Шолоховым и подумаю, что автор «Тихого Дона» никогда не раскрывал своего билета...

«Смерть» Шолохова

Крупный снег медленно, словно на парашютах, опускался на землю про-

дальнюю станицу Вёшенскую самому...

Писательский билет

На встречу с Михаилом Шолоховым мы, небольшой группой литераторов, прилетели самолётом именно в тот день, когда ростовский поэт Виктор Стрелков наконец-то получил долгожданный писательский билет, которым явно дорожил и гордился. Это было замечено, потому что во время полёта он бережно доставал из кармана пиджака новенькую красную книжечку и тайком любовался, поглаживая льющийся к рукам коленкор...

В застолье он по праву волепечённого писателя сел по левую руку классика. И, выпив рюмку-другую, размлел и расхрабрился, то ли от жары, то ли от близости к Шолохову. Я сидел напротив, не прикасаясь к горячительным напиткам. Кто-то из местных властей обратился ко мне с вопросом, я отвлекся. И, надо же, в эту минуту Виктор, хитро скрывив губы, громко произнес:

— Миша, а вот молодой Аршак не слушает нас — членов Союза писателей!

— Повтори, что ты сказал? — приглушённым голосом переспросил Михаил Александрович, чуть наклонив убеждённую сединами голову в сторону поэта. И, уже не слушая, добавил:

— Виктор, а у тебя есть писательский билет?

— Конечно, — с радостью вымолвил Стрелков, торопливо доставая завернутое в огромный носовой платок «свидетельство».

— Посмотри, пожалуйста, что там написано.

И Виктор Стрелков буквально по слогам прочёл казённый текст.

Михаил Александрович посуровел, нахмурился и резко бросил:

— У меня, наверное, написано «великий»... — и грустно улыбнулся. Какие-то не приметные люди догадались и вежливо освободили Шолохова от навязчивого пинта.

Через полгода я сам стану обладателем писательского билета, вспомню вёшенский ужин с Михаилом Шолоховым и подумаю, что автор «Тихого Дона» никогда не раскрывал своего билета...

«Смерть» Шолохова

Крупный снег медленно, словно на парашютах, опускался на землю про-

дальнюю станицу Вёшенскую самому...

Писательский билет

На встречу с Михаилом Шолоховым мы, небольшой группой литераторов, прилетели самолётом именно в тот день, когда ростовский поэт Виктор Стрелков наконец-то получил долгожданный писательский билет, которым явно дорожил и гордился. Это было замечено, потому что во время полёта он бережно доставал из кармана пиджака новенькую красную книжечку и тайком любовался, поглаживая льющийся к рукам коленкор...

В застолье он по праву волепечённого писателя сел по левую руку классика. И, выпив рюмку-другую, размлел и расхрабрился, то ли от жары, то ли от близости к Шолохову. Я сидел напротив, не прикасаясь к горячительным напиткам. Кто-то из местных властей обратился ко мне с вопросом, я отвлекся. И, надо же, в эту минуту Виктор, хитро скрывив губы, громко произнес:

— Миша, а вот молодой Аршак не слушает нас — членов Союза писателей!

— Повтори, что ты сказал? — приглушённым голосом переспросил Михаил Александрович, чуть наклонив убеждённую сединами голову в сторону поэта. И, уже не слушая, добавил:

— Виктор, а у тебя есть писательский билет?

— Конечно, — с радостью вымолвил Стрелков, торопливо доставая завернутое в огромный носовой платок «свидетельство».

— Посмотри, пожалуйста, что там написано.

И Виктор Стрелков буквально по слогам прочёл казённый текст.

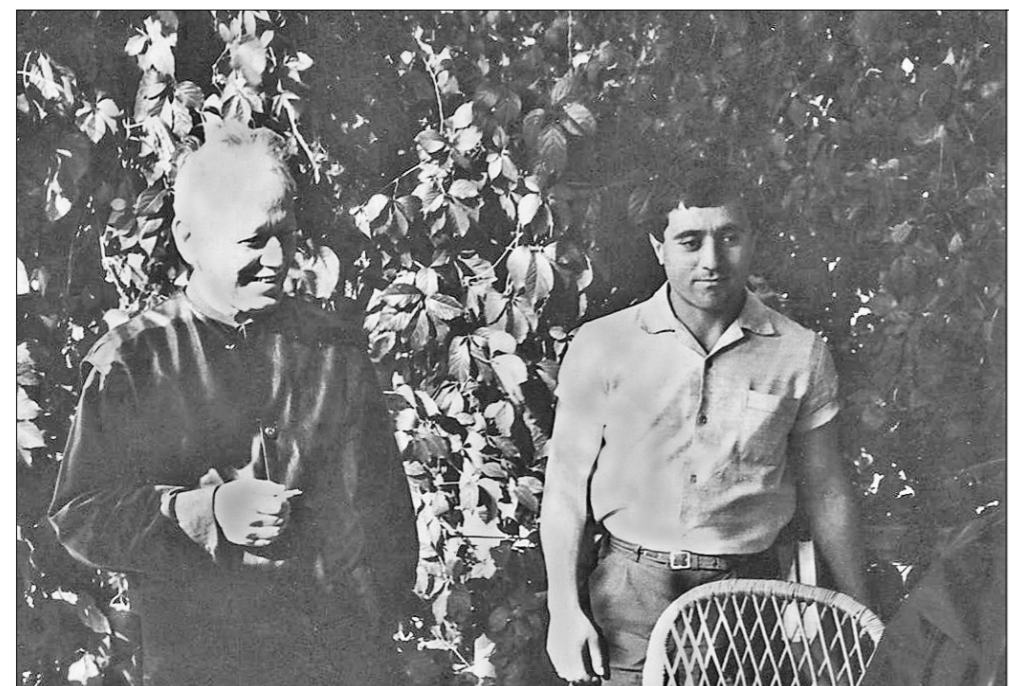
Михаил Александрович посуровел, нахмурился и резко бросил:

— У меня, наверное, написано «великий»... — и грустно улыбнулся. Какие-то не приметные люди догадались и вежливо освободили Шолохова от навязчивого пинта.

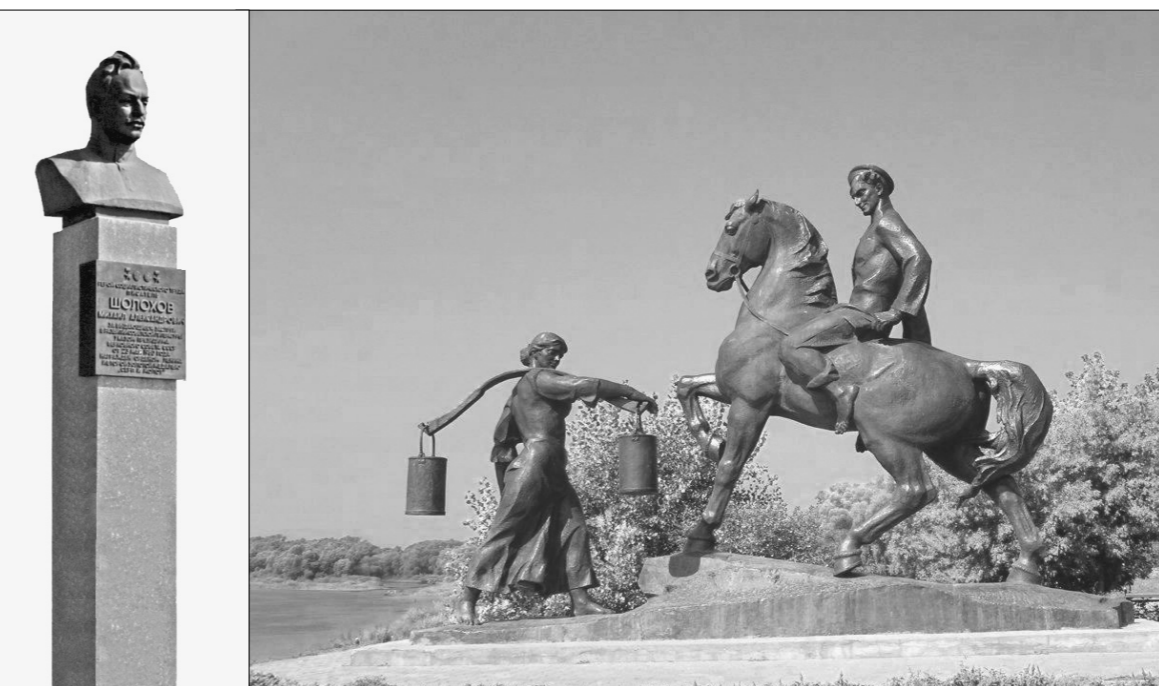
Через полгода я сам стану обладателем писательского билета, вспомню вёшенский ужин с Михаилом Шолоховым и подумаю, что автор «Тихого Дона» никогда не раскрывал своего билета...

«Смерть» Шолохова

Крупный снег медленно, словно на парашютах, опускался на землю про-

Автор в гостях у Шолохова

Григорий и Аксинья, герои «Тихого Дона»

— Садитесь. Сейчас принесёт еще один стул, — сказал Михаил Александрович.

Через минуту секретарь Шолохова Пётр Елизарович Чукарин принёс еще один недостающий стул и поставил его рядом с Шолоховым.

— В ногах правды нет, садитесь, — повторил он, легко подтолкнул и показал на свободное место рядом с ним. Чуть испугавшись такой близости, осторожно отодвинулся, чтобы не быть в центре, и, положив блокнотик на колени, несмотря на запрет что-либо записывать, всё-таки запечатлел на бумаге отдельные фразы беседы... Кажется, время остановилось.

Главными собеседниками стали писатель-земляк Михаил Никулин, знавший Шолохова с детских лет, и бывший редактор миллеровской газеты, журналист Григорий Тягленко — горячий поклонник творчества донского Гомера. В те дни мы знали: Шолохов трудится над романом «Они сражались за

знакомый со школьных лет, орлиный профиль великого земляка, сидящего на плетённом стульчике за таким же небольшим овальным столиком, где лежала стопка недавно выпущенного двухтомника «Тихий Дон».

— Что-то, не припомню эту фамилию? — наморщив, в мучительном раздумии огромный лоб, спросил то ли меня, то ли самого себя Михаил Александрович.

— Вот этот — ответственный секретарь писательской организации. Баснописец. Бывший заведующий отделом культуры обкома, — подсказывал я, — этот фантаст... — продолжил, увидев фамилию на бумажке, которая закладкой выглядывала из-под книг...

Шолохов без традиционных пышных фраз красивым почерком писал: «Такому... М. Шолохов».

— Ну что, казак, пригрозил? Или. Передай своим — многого работи. Не могу побеседовать с товарищами. Может быть потом, когда поез-

дальнюю станицу Вёшенскую самому...

Писательский билет

На встречу с Михаилом Шолоховым мы, небольшой группой литераторов, прилетели самолётом именно в тот день, когда ростовский поэт Виктор Стрелков наконец-то получил долгожданный писательский билет, которым явно дорожил и гордился. Это было замечено, потому что во время полёта он бережно доставал из кармана пиджака новенькую красную книжечку и тайком любовался, поглаживая льющийся к рукам коленкор...

В застолье он по праву волепечённого писателя сел по левую руку классика. И, выпив рюмку-другую, размлел и расхрабрился, то ли от жары, то ли от близости к Шолохову. Я сидел напротив, не прикасаясь к горячительным напиткам. Кто-то из местных властей обратился ко мне с вопросом, я отвлекся. И, надо же, в эту минуту Виктор, хитро скрывив губы, громко произнес:

— Миша, а вот молодой Аршак не слушает нас — членов Союза писателей!

— Повтори, что ты сказал? — приглушённым голосом переспросил Михаил Александрович, чуть наклонив убеждённую сединами голову в сторону поэта. И, уже не слушая, добавил:

— Виктор, а у тебя есть писательский билет?

Конечно, — с радостью вымолвил Стрелков, торопливо доставая завернутое в огромный носовой платок «свидетельство».

Посмотри, пожалуйста, что там написано.

И Виктор Стрелков буквально по слогам прочёл казённый текст.

Михаил Александрович посуровел, нахмурился и резко бросил:

У меня, наверное, написано «великий»... — и грустно улыбнулся. Какие-то не приметные люди догадались и вежливо освоб